



Редкий кадр. В.Самойлов играл даже комиссара Мегрэ. На Киевской студии.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Татьяна ПЕТРЕНКО...

Владимир Яковлевич, давайте посчитаем: вы работали три года в Одессе, восемь — в Кемерове, девять — в Нижнем Новгороде, потом переехали в Москву, в Театр имени Маяковского. А в Сан-Франциско-то вы как оказались?

— Мы были участниками театрального фестиваля Юджина О'Нила. Ежегодно со всего мира туда съезжаются все, кто считает себя о'ниловцем: актеры, режиссеры, литературоведы. Последние годы своей жизни О'Нил провел на вилле под Сан-Франциско, нас тоже туда возили. А жили мы не в отеле, а в семьях. Мне и актеру О.Гущину досталась великолепная семья: гостеприимные, хлебосолы. Колоссаль-

ная вилла с бассейном, завтрак в саду, две машины. Каждый раз они спрашивали, на какой из них мы поедем.

Первое, о чем я их попросил, — показать мне океан. Приехали мы. Зрелище, доложу вам, шикарное, притягивающее, так и манит. Собрался я было искупаться, а потом сказал: «Нет, Черному морю я изменить не могу». Ушел, даже не окунувшись.

Что касается самого фестиваля, то мы играли последний акт пьесы «Долгий день уходит в ночь». Видимо, неплохо, потому что получили предложение привезти на гастроли весь спектакль. Что и осуществили.

— Некоторое время назад вы ушли из театра вообще. И вот, не вынесла душа актера, вы опять работаете в театре? На сей раз имени Гоголя.

Пог занавес

Самойлов, морская душа

— Если честно, то, когда я ушел из театра, а вернее, когда меня вежливо оттуда попросили, я себя прекрасно чувствовал, просто прекрасно. Забот никаких, обязанностей тоже. Я, который все время служил в театре, почувствовал себя свободным человеком. Мне было чем заняться. Снимался в кино: «Серые волки», «Бульварный роман», «Исчадие ада», «Слава богу, не в Америке». На «Беларусьфильме» снялся у режиссера В.Никифорова в десятой картине «Душа, моя Мария» (до этого я работал у него в фильмах «Зимородок», «Обочина», «Отцы и дети»). Да и по дому накопились дела.

Однако прошло три года, и я понял, что это самообман, не могу я жить без театра. Сергей Иванович Яшин, с которым мы делали спектакль «Игра в джин» (там я сыграл, на мой взгляд, одну из лучших своих ролей), как будто почувствовал перемену моего настроения и, будучи главным режиссером Театра имени Гоголя, пригласил меня на роль Джеймса Тайсона в пьесе О'Нила.

— Вы актер с огромным стажем, у вас — более 200 ролей в театре и около 100 в кино, поделитесь: есть секрет «вхождения в образ»?

— Да это каждый раз по-разному. Например, в Кемерове для главной роли в «Сыне рыбака» ничего придумывать не пришлось. Мне так тяжело было жить вдали от моря, что настальгия, которая меня охватывала, и настроила меня на роль. В Москве в спектакле

Владимир Самойлов — актер от бога. Но родился он в семье моряка, сам хотел стать моряком (в войну, правда, был минометчиком). Судьба, видно, знала, что этот паренек, хоть и с морской душой, для другой доли предназначен. Вот и организовала ему после войны встречу с девушкой, студенткой театрального училища. Тут-то все и решилось. Стали они с Надеждой однокурсниками, потом мужем и женой. И потом партнерами по многим спектаклям. Владимир Яковлевич сыграл столько ролей в театре и кино, что, пожалуй, и на рекорд тянет. И все — яркие, исполненные азартно, с огромным темпераментом. Американцы, видевшие его дважды, заявляли, что такой артист у них стоил бы миллионы.

«Праздник души» колхозного бригадира я списал с моего деда. Я у него был любимым внуком. С детства знал его манеру говорить, помнил его взгляд. А когда мне предложили роль Савинкова в фильме «Крах», милые девочки-библиотекарши достали мне запертые за семью замками его «Записки террориста». Я прочитал о покушениях на министра внутренних дел Плеве, на московского генерал-губернатора великого князя Сергея, о террористах Е.Сазонове, Н.Каляеве. И пока читал, не мог отделаться от мысли: да ведь автор сам себе задает вопрос: а зачем все это? Жизнь одна, так стоило ли ее посвящать такому кровавому делу? Эти записки помогли мне увидеть, кроме жестокого организатора убийств, еще и 46-летнего мужчину, уставшего от такой жизни. Ну и досталось же мне за созданный образ, критики ополчились на то, что Савинков вызывал симпатии, что, по их мнению, было недопустимо.

— А были случаи, когда вы играли не свои роли?

— Был очень забавный. Расскажу подробнее. Перед на-

шим приглашением в Нижний Новгород спектакли Кемеровского театра решил посмотреть специально приехавший заместитель директора Мучников, человек старой закалки, знавший, как никто другой, всю театральную роль, такого комика-клоуна. После спектакля отозвал он ее в сторонку и говорит: «Вы нам очень нужны, но его я взять не могу». Жена уговорила его прийти на спектакль «Домик у моря» по С.Цвейгу, где героем сначала молодым, а потом состарившимся уже был я. Мучников оценил по достоинству мою игру и сказал: «Подойдет!».

Мы с ним выпили 18 бутылок вина и ударили по рукам.

Так я оказался в Нижнем Новгороде, где и был случай «не моей» роли — Вронского. Когда мне ее предложили, я запротестовал, ну, Левина, куда ни шло, но потом выяснилось, что с моим будущим героем у меня совпадает все: лысеющий; полнеющий — даже

вес 82 кг. Неприятности начались после премьеры, когда посыпался град записок и меня стали останавливать недовольные зрители. Я все же продолжал играть, надеясь убедить, разрушить стереотип, но потом сдался, и на радость публике Вронского отдал другому актеру. Поэтому, когда Охлопков предложил мне Гамлета, я сразу отказался, сказав, что я — Гамлет в душе.

— Я знаю, вы человек отчаянный, не раз на съемках попадали в опасные ситуации.

— Бывало. В фильме «И снова утро» я играл героя, прототипом которого был профессор Богораз. Ему поездом перерезало ноги, он сам сконструировал себе протезы и продолжал работать. Снимался как раз этот драматический эпизод: герой видит ребенка на рельсах, бросается, успевает оттолкнуть его, и... Я все сделал, но упал слишком близко. Когда увидел катящегося на меня огромные колеса, мне стало плохо. В фильме «По прозвищу «Зверь» был аналогичный эпизод: героя переезжает электричка. Поэтому первое, о чем я подумал, лежа

на рельсах: перевели они стрелку, чтобы в последний момент состав свернул, или нет?» В этом же фильме я лазил на метрополитен. Ночная съемка, команды «стоп» нет, я лезу дальше, так три пролета и отмахал. Обратной меня на канатах опускали.

— Говорят, артисты народ непостоянный, то женятся, то разводятся. Вы же с Надеждой Федоровной скоро золотую свадьбу отмечать будете. А когда вы ей в последний раз в любви объяснялись?

— Сегодня утром. Говорю: «Надюшенька, спасибо большое за вкусный завтрак, я тебя очень люблю». Мы много вечеров выходили с ней вместе на сцену, но лишь однажды я поставил для нее спектакль «Варшавская мелодия». Какая она была там необыкновенная, глаз невозможно было отвести. Я каждый раз влюблялся заново.

— Какие-нибудь приметы признаете?

— Я все люблю делать с правой ноги. Вставать, выходить на сцену, даже на первую ступеньку в театральном подъезде становлюсь правой ногой. Примерные у меня тоже были с правой стороны.

— Владимир Яковлевич, вы можете себя считать счастливым. Уж, кажется, все желания сбылись. Что-нибудь завещное осталось?

— Только одно. Хочу на берегу Черного моря построить курень, смастерить себе шаланду и привозить ее, полную кефали.